

Белый шарик Матроса Вильсона

Автор:

Владислав Крапивин

Белый шарик Матроса Вильсона

Владислав Петрович Крапивин

Великий Кристалл #5

Эта повесть из знаменитого цикла «В глубине Великого Кристалла» – история преданной дружбы Стасика, которого за мечту стать моряком прозвали Матросом Вильсоном, и Белого шарика, маленькой звезды, которая научилась превращаться в мальчика. Верные друзья преодолевают вместе не одну опасность. Владея обыкновенным «звездным» умением творить чудеса и помогать тем, кто в беде, кому одиноко, больно и трудно, Шарик-Яшка стремится сделать Вселенную лучше, чтобы всем в ней было хорошо. Его способности удивительны, но он еще слишком мал... И все-таки честный и самоотверженный Яшка не сдастся: силой воли любви к другу он совершает подвиг и спасает Стасика от гибели. Просто потому, что должен.

Владислав Крапивин

БЕЛЫЙ ШАРИК МАТРОСА ВИЛЬСОНА

Пролог. В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА

Белый шарик не знал, когда и как он появился на свет. Ему казалось, что он существует всегда... Впрочем, нет. Понятие «всегда» ему тоже было незнакомо, потому что он еще не ведал, что такое Время. Он висел в пустоте, и

единственным его чувством, единственным проблеском сознания было: «Я есть».

Но пришел час, и ощущение чего-то постороннего коснулось его щекощуе и беспокойно (позднее Шарик узнал, что это был импульс Большого Белого шара). В ответ Белый шарик непроизвольно ошетинился лучами мгновенных импульсов. Так насекомое, очнувшееся в темной коробочке, усами и лапками щупает картонные стенки. Шарик ощупал импульсами ближнюю часть пространственно-временного континуума. Даже этот маленький кусочек мира показался ему пугающе громадным. Но страх беспредельности растаял, когда Белый шарик понял, что одиночество ему не грозит.

Шаров было множество. Разной величины и разного цвета. (Цвет – это частота и длина импульсов особого рода, таких медленных, что они не годятся для общения и активных воздействий на мир, а служат чаще всего только оболочкой.)

Но великую россыпь дальних шаров Белый шарик воспринимал отрешенно и вначале ни с кем из них не общался. А его соседями и наставниками оказались четверо. Вернее, пятеро, но Желтые близнецы жили так тесно друг с другом, что Шарик всегда воспринимал их как нечто единое. А кроме Близнецов были: Большой Белый шар, Красный шар и Темно-красный шарик. Если соединить их прямыми линиями, то образовывалась трехгранная пирамида – и каждый шар на своей вершине (а Желтые близнецы, естественно, вместе). Белый же шарик висел в центре этой пирамиды, на перекрестке импульсов нарастающей информации, от которой порой кружилась голова...

Стоп! Никакой головы, разумеется, у Белого шарика не было. Но, рассказывая о нем людям, невозможно обойтись без человеческих понятий. Иначе получится не повесть, а толстенный сборник формул, графиков, стереосхем и ключевых уравнений с весьма спорными обоснованиями многомерности кристаллических граней. Два простых слова: «Шарик встревожился» – превратились бы в несколько страниц с анализом аритмии внутреннего гравитационного поля и антипозиций внеконтурного излучения. Во всем этом сразу не разобрались бы ни самоотверженные энтузиасты из группы «Кристалл-2» в обсерватории «Сфера», ни даже четвероклассник Филипп Кукушкин из поселка Лугового. Что уж говорить про читателей!

Вот и придется нам в дальнейшем пользоваться фразами: «Шарик подумал», «Шарик сказал», «Желтые близнецы укоризненно заметили», «Шарику стало

грустно», – хотя здесь много натяжек. Они исчезнут со временем, когда к Белому шару придет понимание многих человеческих чувств и представлений. Но случится такое не скоро. А пока...

Пока Белый шарик с трудом, не сразу постигал законы и понятия мира, в котором он существовал и который назывался «Великий Кристалл» (опять же в переводе на человеческое разумение). Трудно было понять, например, единство движения и неподвижности. Не было никакого сомнения, что он, Белый шарик, не просто висит в пустоте, а быстро движется относительно силовых линий данного пространства и относительно других шаров. И в то же время пирамида, образованная его соседями шарами, оставалась незыблемой, и он всегда находился точно в ее центре... Ну, ладно, в этом он в конце концов разобрался. Гораздо сложнее было осознать вот что: оказывается, в пространственно-временной протяженности существовала такая часть Времени, когда его, Белого шарика, не было! Как это так? Все, что есть вокруг, было, другие шары были, а его не было?

– Мы тоже были не всегда, – снисходительно разъяснял Большой Белый шар. – У всякого явления в Великом Кристалле есть свое начало.

О том, что у всякого явления бывает и конец, Белому шару пока не говорили, чтобы не огорчать раньше срока.

– А как это все вокруг и вы тоже... как это могло быть, если я вас не ощущал? – удивлялся Белый шарик.

– Тоже мне, пуп Кристалла... – ворчал Темно-красный шарик. Он был хотя и маленький, но с могучей массой, потому что был старше всех не только в этой пирамиде, но и вообще в обозримых пределах. Он редко что-нибудь объяснял и обычно лишь излучал недовольство и осуждение.

Красный шар весело восклицал:

– Ай да малыш! В таком возрасте уже начинает копать проблемы бытия! – И достаточно понятно объяснял, что существование Кристалла не зависит от восприятия того или иного отдельного шара. Шары могут быть или не быть, а Великий Кристалл был, есть и будет всегда.

Желтые близнецы добавляли:

- Ты узнаешь об этом после. Все должно постигаться в свое время.

«В свое время»... А что это вообще такое – Время? И почему оно бывает свое и не свое, если Великий Кристалл – общий? И в своем ли времени находится он, Белый шарик? Если да, то почему момент, когда он должен родиться, еще не наступил?

Эту странность выдал ему Большой Белый шар. Он рассказал, что миг рождения Шарика лежит на темпоральном векторе где-то впереди, примерно в двух микродолях общего временного оборота данной кристаллической грани.

- Как же так? Я еще не родился и уже есть? – Шарик даже обиделся. – Что вы мне мозги-то пудрите? (Вольный перевод на человеческий язык.)

Но Большой Белый шар терпеливо разъяснил:

- Ты родился совершенно неожиданно. Твое появление на том участке могло нарушить планомерность развития грани. И пришлось тебя оттянуть по временному вектору назад. Иначе не исключено, что могло возникнуть черное покрывало и ты исчез бы без следа.

Черного покрывала опасались все, хотя и неясно было, что это такое.

- Нам тебя стало жаль, – сообщили Желтые близнецы со смесью ласковости и назидательности. – Ты был тогда очень славный... – В подтексте этих слов легко читалось, что теперь Белый шарик уже не такой славный, как в младенчестве, ибо задает слишком много вопросов.

Но Шарик продолжал задавать вопросы. И однажды спросил:

- Значит, когда-нибудь я сам смогу увидеть, как я появился на свет? Мы ведь все катимся по вектору Времени, да? И через две микродоли я подъеду к точке своего рождения?

Шары замолчали и, кажется, быстрее обычного завертелись вокруг оси. Наконец Большой Белый шар сухо произнес:

- Совсем не обязательно, что ты зафиксируешь в сознании эту точку. Скорее всего, проскользнешь и не заметишь.

- А вдруг замечу? И сделаю что-нибудь такое... Сам себе помешаю родиться! А? Тогда, значит, я не буду на свете? А тогда почему я сейчас есть?

- Значит, не помешал и родился... На нашу голову, - ворчал Темно-красный шарик.

- Объясните же ему, - стонали Желтые близнецы, - что он задает некорректные вопросы. Это просто неприлично!

- А что такое некорректный вопрос?

- А это то, за что можно угодить под черненькое покрывальце, - хохотнул Красный шар. А Большой Белый шар объяснил:

- Некорректная постановка проблемы ведет к дестабилизации данной грани. И в какой-то степени тормозит построение Общей Гармонии во всем Великом Кристалле.

- А зачем она... эта Гармония?

- Она принесет нам ощущение полного счастья и вечной радости. Это высшая цель.

- А... зачем?

- Зачем цель? Без нее наше бытие потеряло бы смысл.

- А скоро это... Общая Гармония?

- Не скоро. Но мы должны стараться приблизить ее...

Белому шару объяснили, что и он должен стараться. Сначала – в меру своих маленьких сил. А когда пройдет через Возрастание, будет работать больше и серьезнее.

Работать – означало улавливать и посылать другим шарам импульсы разного напряжения и частоты. Импульсы эти причудливо сплетались и пересекались, образовывали живую струнную сеть, дрожание которой определяло жизнь данной кристаллической грани. Если удачный импульс приближал это дрожание, эту музыку, к Всеобщей Изначально Заданной Частоте Великого Кристалла, возникал долгожданный Резонанс. То есть настоящего Резонанса еще не было, был намек на него. Но даже это вызывало у шаров моменты ликования.

Однажды познал такое ликование и Белый шарик. Это когда он по сигналу Красного шара ловко подкинул в пространство два светлых импульса из системы дальних Голубых шаров, переплел индекс Темно-красного шарика со своим и точно всадил всю эту комбинацию в темную, «незвучащую» ячейку вибрирующей сети силовых линий. От зазвеневшей ячейки пошел сигнал к еле заметному от пирамиды Синему шару № 2. Тот давно ждал импульса смешанной частоты и теперь расцвел, выпустил целый сноп лучей магнитного контакта, и вся округа несколько мгновений упивалась состоянием Радостного Общения. Грань еще на какой-то шаг приблизилась к Общей Гармонии, а Белый шарик в этот миг буквально растворялся в счастливом тепле, умилении и любви других шаров. И в то же время – в ощущении собственной значимости, пользы и важности... Ах, если бы это продолжалось подольше!

– Только, пожалуйста, не зазнавайся, – посоветовали Желтые близнецы. – Одна удача еще ни о чем не говорит.

– Да, – поддержал их Большой Белый шар. – Все сошло удачно, ты молодец. Но если бы ты чуть-чуть ошибся и не попал совмещенными импульсами в ячейку...

– То что? – довольно развязно спросил Белый шарик. Близнецы возмущенно закудахтали, но Большой Белый шар был терпелив:

– ...Тогда могло возникнуть явление антирезонанса. Именно оно и притягивает черные покрывала. Кристалл не прощает, друг мой, дерзостей и неоправданного риска...

Ох уж эти нравоучения!.. И Белый шарик вернулся к будничной жизни.

Эта жизнь была тоже ничего, не скучная. Во-первых, надо было точно уловить момент (и в этом ощущался азарт), чтобы перехватить и переслать дальше под заданным углом любой из неожиданных импульсов. Во-вторых, приходилось внимательно слушать, не слабеют ли сигналы в ближайших ячейках Сети, и в случае чего вплетать туда собственные импульсы нужной частоты. Оставалось время и для свободной связи с шарами. Не только для бесед с постоянными соседями и наставниками, но и для переклички с другими. Пошлешь наугад индекс-вопрос «Ты кто?» – и вдруг ощущаешь щекотанье ответного луча: «Я Розовый шар на втором коротком ребре Большого параллелепипеда номер три. А ты?»»

Такие «разговорные» импульсы никак не влияли на состояние Сети, но большие шары все равно предупреждали:

– Не болтай слишком часто, не трать зря энергию.

– А почему нельзя тратить?

– Задержится Возрастание.

– Ну и что?

– Ну и будешь младенцем до старости!

– А это плохо?

– Это нарушит Гармонию грани...

– О-о-о... – Белый шарик морщился, как от зубной боли (если представить, что у Шарика были зубы и они могли болеть). Только и слышишь: «Гармония, Гармония...»

– Не смей испускать черные импульсы! – взвизгивали Желтые близнецы. – В конце концов, это просто невыносимо!

Ну а какие еще импульсы испускать, если все надоело и ни с кем не находишь постоянного резонанса?

...Однажды донесся импульс, от которого Белый шарик буквально затрепетал. Импульс этот был без адреса, шел в пространство широким веером. И, судя по всему, не в одно пространство, а по многим граням Кристалла. О Великая Всеобщая Сеть, кто мог излучать такое?

До сих пор Белый шарик только слышал, что есть другие грани. Это были иные миры, импульсы оттуда почти не доходили. А если и доносились, то ни о каком резонансе не могло быть и речи – слабенькие они. А этот импульс, пробивая многомерные зеркала совмещенных пространств, хотел, кажется, заполнить собой весь Кристалл... И странно, что никто из шаров не обратил внимания на такой широко разлетевшийся крик.

Да, именно крик. Это был, безусловно, черный импульс – сигнал тревоги, печали и одиночества. Слово какой-то шарик родился в полной пустоте и решил, что ничего – совсем ничего, никого и нигде! – на свете нет.

А может, и правда так? Может, несчастный этот шарик излучает лишь такую частоту, что его никто не замечает?

– Вы что! Разве не слышите?

– Белый шарик, ты о чем, малыш?

«О чем!» Он – о дрожи своего тревожного резонанса. О желании скорее успокоить того, кто мечется и страдает в черной пустоте! О странном чувстве, которому нет объяснения (лишь много позже Белый шарик узнает, что оно называется «жалость»).

– Ты кто?

Не было ответа. А тоскливая дрожь не проходила, и Белый шарик боялся все больше. Он боялся не выговора от больших шаров, не антирезонанса, не черного покрывала. Вообще, это был страх не за себя. Впервые шарик страдал оттого, что плохо не ему, а кому-то другому. Незнакомому, неизвестно где живущему.

– Ты кто?!

Не было ответа. И Белый шарик первый раз в жизни совершил немыслимо дерзкий поступок. Рванув колоссальный запас энергии, он швырнул импульс-анализатор двусторонней связи в бесконечность. Навылет через грани! С отчаянной силой, но почти без надежды, что получит ответ...

Тугая струя импульса пробила ломкие структуры ближних граней и пошла навстречу вееру чужого сигнала. И Шарик сам – всем своим сознанием – заскользил вперед по этой струе!

...Сперва ему показалось, что черный импульс идет от незнакомого шарика. Тоже белого, но... совершенно другого. Немыслимо другого! Неравенство масс было таким, что Белый шарик замер в горестном недоумении... Но почти сразу он понял: различие настолько громадно, что его просто не следует принимать во внимание. Известно ведь, что свойства бесконечно большого и бесконечно малого часто совпадают. Это во-первых.

А во-вторых, излучал вовсе не тот незнакомый шарик, а кто-то другой, находящийся с ним рядом. Сам же маленький шарик был не живой, просто оболочка. И Белый шарик невидимым лучом вошел в эту оболочку, заполнил сознанием привычную, уютную форму.

А тот, от кого шел в совмещенные пространства сигнал тоски и одиночества, словно окутал шарик печальной теплотой, молчаливой просьбой о сочувствии.

И Белый шарик спросил третий раз:

– Ты кто?

Часть первая. СТАСИК

Прогульщик Скицын

Трахнуло, как из пистолета!..

Ну кто мог подумать, что обыкновенный капсюль от охотничьего патрона, замазанный хлебным мякишем и надетый на перо легонькой деревянной ручки, грохнет с такой силой! Обычно они стреляли не громче бумажных пистонов, а если ручка падала на пол не совсем прямо, то вообще получалось пшиканье. А этот вон как!

Стасик даже зажмурился.

А когда он разожмурился, увидел, что маленький Генка Янченко прыгает на одной ноге, а другую трет сзади ладошкой. Стасик сразу сообразил, что искра от капсюля подло клюнула Генчика в незащитное место между чулком и кромкой твердых колениковых штанишек. Ой-ей... Генчик-Янчик был среди третьеклассников самый смирный и безобидный. Стасик тоже не из бойких, и он вовсе не хотел делать Генчику никакого вреда. Просто думал пошутить, когда бахнул капсюлем у него за спиной!

Стасик все это и собрался объяснить. И конечно, они с Генчиком тут же помирились бы и даже посмеялись – вместе со всеми, кто сбежался на выстрел (а народу в школьном коридоре было полно, потому что дежурные в классы еще не пускали). Но рядом оказалась длинная, как пятиклассница, Сонька Лапина – она всегда воет за справедливость, где надо и где не надо.

– Чё на маленького! – заорала она своим басом и замахнулась на Стасика здоровенным портфелем. Стасик, разумеется, успел присесть, и портфелем вляпало не ему, а второгоднику Бусыгину. По уху! Но Бусыга на Лапу не кинулся. Он вмиг смекнул, кто тут главный виновник. И дал ему такого упругого пенделя, что Стасик, не успевши разогнуться, пролетел сквозь толпу...

И головой врезался в бок Берты Львовны, грозной учительницы четвертого «А».

Берта была как башня с линкора, она даже не шелохнулась. Но из-под мышки у нее вылетели указка и классный журнал. Стасик ойкнул и хотел их поднять, но

Берта ухватила его за ворот.

– Это еще что? Ослеп?

– А чего! Если толкаются... – занял Стасик.

– Кто толкается? Где?

– Врет он все! Он сам пистолетом стреляется, маленьких пугает! – возгласила Сонька. Она была такая бесстрашная, что не боялась оказаться ябедой.

– Кто стреляется? Ты стреляешься? – И повлекла Берта Львовна третьеклассника Скицына в учительскую. – Нина Григорьевна, получайте вашего партизана! Пальбу в коридоре устроил и мне прямо в печенку... Ох, не могу...

Нина Григорьевна обычно была вовсе даже не строгая. А главное – своя, привычная. В другой раз она быстренько отругала бы Стасика и – «марш в класс». Но сейчас она то ли по правде вообразила, что Стасик Скицын из чего-то выпалил Берте Львовне в печенку, а может, просто с утра поругалась с мужем или узнала про всякие дела своего сына-семиклассника Вовки, который учился в соседней семилетке... В общем, взвилась она и запричитала:

– Да это что же такое! Второй день учатся, и уже проходу нет! Дальше-то что будет?! Совсем из школы бежать?.. Нет уж, голубчик, убирайся из школы сам и без мамы не появляйся! – И в открытую дверь: – Тетя Лиза, проводите этого стрелка за порог, и чтобы его близко не было, пока мать не приведет!..

Техничка тетя Лиза, крепкая и решительная, перехватила Стаськин воротник и вмиг выставила несчастного Скицына за двери родной начальной школы номер три. И затрясла у него за спиной колокольчиком. Словно не просто созывала всех со двора и улицы в классы, а злорадствовала: «Люди-то учиться идут, а ты, Скицын, хулиган и прогульщик!»

Стасик ошарашенно остановился на тротуаре. Просто непостижимо, как за две минуты может столько всего свалиться на человека. Будто вихрь какой-то или лавина! Нежданно-негаданно...

Всякое за два учебных года случилось со Стасиком Скицыным, но чтобы вот так, с треском из школы и «без мамы не появляйся»... За что? Будто он противотанковую мину взорвал! Все стреляют – и пистонами, и хлопушками, и пульками из резинок, надетых на пальцы, и не только в коридоре, но даже на уроках. А виноватым оказался бедный Скицын, который тише и примернее многих.

Стасик перешел булыжную мостовую и побрел вдоль деревянной решетки Андреевского сада. Прочь от своей школы – такой привычной, уютной, с красным кирпичным низом и деревянным вторым этажом, где блестят большущие, чисто промытые стекла, и со свежим ярким кумачом на воротах: «Добро пожаловать!» Ага, «добро пожаловать... с мамой»...

Мама, конечно, все поняла бы. Ну, ругнула бы Стаську для порядка, вздохнула и пошла бы в школу. Да только сейчас пойти она не может. И расстраивать в эти дни ее никак нельзя. Дней через десять, а то и через неделю предстоит маме отправляться на «Калужку» – в белый одноэтажный дом на Калужской улице, где с давних пор появляются на свет почти все дети города Турени... И Стасик появился там же – девять с половиной лет назад... Ох, лучше бы уж не появляться...

Да, но что же в самом деле теперь предпринять? Безысходность какая-то. Зареветь бы, да все равно бесполезно.

Но, конечно, полной безысходности не было. Позади унылых и беспомощных мыслей шевелилась уже спасительная догадка. Вечером надо все рассказать Юлию Генриховичу. Пусть он завтра в свой обеденный перерыв зайдет вместо мамы в школу. Стасик чувствовал, что в этой беде отчим будет на его стороне. В свои давние детские времена Юлий Генрихович тоже выкидывал в гимназии разные фокусы и до сих пор любил об этом рассказывать.

Лишь бы он пришел домой трезвый... Впрочем, до зарплаты далеко, и к тому же он, как и Стасик, старается теперь не расстраивать маму.

Откуда капсюль, отчим даже и не спросит. Недавно Юлий Генрихович целую горсточку подарил Стасику за то, что он помогал развешивать дробь для охотничьих зарядов. Могло ведь случиться, что не все капсюли Стасик разгрохал в тот же день и один из них затерялся в карманах.

В них, таких глубоких, что хочешь может затеряться!

И несмотря на все несчастья, Стасик опять ощутил удовольствие – оттого, что на нем такой замечательный костюм...

Эти костюмы летом появились в магазинах в большущем количестве. Покупай кто хочет! Страна заботилась о том, чтобы счастливые дети стали еще счастливее. Костюмы были дешевые, из материи, похожей на серую рогожку, но очень солидного, именно «костюмного» покроя: китель и брюки навыпуск. Мама купила обновку для Стасика в середине августа.

Через много лет Станислав Скицын нашел в маминых бумагах старую фотокарточку, где он в этом наряде. И поразился широченным штанам и балахонистому кителю, из которого торчала стриженная под коротенький «полубокс» голова с ушами, похожими на приставленные к щекам ладошки... Но в те августовские дни Стасик был счастлив. Правда, первого сентября он испытал некоторое разочарование, потому что половина мальчишек в третьем «А» и третьем «Б» явилась в школу в таких же кителях и брюках. Зато другие, кто по-прежнему ходил в коротких штанах или бесформенных полинялых шароварах, именуемых «шкерами», глядели с завистью. Завидовать следовало хотя бы из-за карманов. Только на брюках – два боковых, один сзади и один у пояса: для часов, если они вдруг когда-нибудь появятся.

Пока же в «часовом» кармане у Стасика был спрятан желтый бумажный рубль с портретом шахтера-стахановца, а в боковых – всякое полезное имущество: две стиральные резинки, увеличительное стекло, кусок мела (можно рисовать на заборах чертиков и скелетов), старинный пятак, щелкунчик из киноплёнки, пятьдесят копеек мелочи... И только капсюль – по правде говоря! – там никогда не лежал. И теперь мелькнула мысль: может, и беда у него, у Стаськи, – в наказанье за обман?

«А чего я такого сделал-то?! – мысленно завопил себе в ответ Стасик. – Украл, что ли?»

«А что ли, нет?!»

«А что ли, да?!»

У отчима Юлия Генриховича была большая берестяная коробка – скрипучая и затертая от старости. Называлась она «куженька». В куженьке хранились охотничьи припасы: патронташ со снаряженными патронами, две пачки пороха – дымный и бездымный, тяжелый мешочек с дробью, круглая «секачка», чтобы вырубать из старых валенок пыжи (Стасик иногда вырубал), латунные и картонные гильзы и много других интересных вещей. В том числе и коробочки с капсулями: похожими на патрончики «жевел» и простыми – это медные чашечки с зеркальцами из фольги...

У куженьки была плотная крышка, но замка не было. Отчим знал, что Стасик никогда ничего не возьмет без спросу. И баловаться не будет. Правда, иногда, оставшись один, Стасик выволакивал куженьку из-под кровати и рассматривал все это грозное имущество, но очень осторожно. Про всякие несчастья от небрежного обращения с боеприпасами он был наслышан от Юлия Генриховича и его приятелей. Стоит, например, поставить заряженный патрон на дробинку, которая нечаянно оказалась на столе, – и привет! «Разом нет полголовы», – говорил отчим, а мама охала. Короче говоря, требовались в этих делах осторожность и точность. Семь раз проверь и отмерь... Для точности, для отмеривания зарядов служили аптечные весы с крошечными блестящими гирьками.

Из-за этих весов, можно сказать, все и случилось. А точнее – из-за бильярда.

Стасику нравились игры с шариками. Всякие. И он думал: вот бы устроить какую-нибудь игру дома! Конечно, лучше всего пинг-понг – настольный теннис, как в лагере. Но даже если сумеешь сколотить громадный стол, как его засунешь в комнату? Совсем не трудно соорудить кегли, но для игры нужен ровный длинный пол, а коридор в доме тесный, да и соседки заругаются... Оставался бильярд. Маленький, как в больнице, куда летом судьба загнала Стасика...

Стасик попросил у соседского дяди Юры кусок ровной фанеры, поработал ножовкой. Получился метровый прямоугольник. В сарае Стасик раздолбал пустой курятник и взял рейки для бортиков. Сукна, конечно, не нашлось, но мама отдала бумазейную занавеску, которой раньше задерживали кухонную полку. Стасик обтянул фанеру и бортики.

Здорово получилось! Особенно если не обращать внимания, что материя – пыльно-розовая с серыми цветочками и в одном углу прожженная.

Кий помог вытесать из рейки дядя Юра. Своим рубанком обстрогал и шкуркой зачистил. И Стасик не раз примеривался, как будет гонять шары... Только где их взять?

Больше всего годились бы, конечно, стальные шары от больших кольцевых подшипников – как в настоящем настольном бильярде. Да разве их раздобудешь? Один-два еще туда-сюда, а надо-то шестнадцать! И тогда Стасик решил – глина!

Юлий Генрихович, правда, говорил, что глиняные шары будут неровные, непрочные, быстро рассыплются. Но тут отчим был явно не прав. Неровные? Ха-ха! Он не знал, какие аккуратные шарики умеет Стасик скатывать из глины! Непрочные? Можно обжечь для крепкости. Труднее всего другое: как их сделать совершенно одинаковыми по весу и размеру?

Стасик решил и эту задачу. Надо скатать сперва один шарик для образца. А потом его, как гирьку, – на чашу весов, а на другую – порции глины. И шарики из этих порций получатся один к одному, до миллиграмма. Ведь весы-то аптечные.

Эта идея пришла сегодня утром. А когда мама с подругой тетей Женей ушли в больницу, которая называется «консультация», Стасик выволок на свет куженьку. Надо было посмотреть: поместится ли шарик размером с грецкий орех в чашечке весов. «Поместится», – решил Стасик. Довольный, спрятал весы, стал двигать куженьку под кровать и там в полумраке заметил крошечное, тускло засветившееся зеркальце. Ого!.. Он выколупал находку из щели между половицами. И сразу же замазал капсюль мякишем, надел на перо, сунул ручку в пенал...

Если бы Стасик увидел капсюль внутри куженьки, ему бы и в голову не пришло присвоить его. Но сейчас-то капсюль был явно потерянный. Значит, ничей... И к тому же такой пустяк!

Ох, кабы знать тогда, чем все это кончится... В бильярде можно рассчитать заранее, в какой угол шарик покатится. А в жизни поди угадай, куда пихнет тебя случай...

Теперь надежда только на отчима. Но он придет с работы не раньше семи. И Стасику до этого срока появляться дома не резон. Мама должна думать, что он отсидел, как полагается, все уроки. А пока придется гулять. И лучше подальше от школы и знакомых улиц. А то ведь, по закону невезения, обязательно напорешься на кого-нибудь, кто тебя знает.

Он вздохнул глубоко и горько. Свернул за угол и зашагал по улице Семашко, в конце которой синела заречная даль.

2

Август чуть ли не весь был серый и слякотный, но в последние дни его опять появилось солнце. И сентябрь тысяча девятьсот сорок седьмого года начался в городе Турени безоблачно, безветренно, с каким-то особенным, пушистым теплом. Листья не шевелились, почти неподвижно висели в воздухе летучие, с растопыренными волосками семена. Искрились чуть заметные паутинки. На улице Семашко совсем не встречались прохожие. И тихо было, только шаркали по доскам Стаськины подметки да где-то на дворах заорал петух, но застеснялся и не кончил крик.

Это солнечное умиротворение постепенно успокоило Стасика, обволокло его. Где-то в глубине еще скреблись беспокойство и обида, но сильнее их была уже уверенность, что все кончится благополучно. Впрочем, и уверенность эта была не главной. Она тоже растворялась в ленивой Стаськиной беззаботности.

Так и брел он квартал за кварталом к высокому берегу.

У реки Стасик бывал очень редко. Гулять в одиночку так далеко от дома он еще не решался. А если с кем-то в компании, случай выпадал не чаще раза в год. Как-то давно ходил с мамой и соседками полоскать половики с лодочных мостков. А еще раньше, позапрошлым летом, он и мама на пристани встречали пароход, на котором вернулся из командировки Юлий Генрихович. Было очень интересно, только стояли сумерки, а в них не разглядеть все как следует. Стасик запомнил огни на пароходе и фонари на берегу, шум паровой машины, гудки, запах соленой рыбы, которым несло от сложенных в пирамиды бочек. И худую серую кошку: она сидела на ящике под желтой лампочкой и равнодушно умывалась. И

мигали на решетчатых столбах и вышках колючие красные сигналы... От этого вечера у Стасика осталось ощущение, что он побывал где-то в далеком приморском городе, откуда начинаются кругосветные плавания.

А прошлой весной устроили для второклассников прогулку на берег и назвали ее «экскурсия». Все стояли над рекой и смотрели с высоты на залитые половодьем заречные улицы, на татарскую деревню Нижние Юрты с церковью под названием мечеть, на рощицы и синий лес на краю земли. И практикантка из пединститута громко рассказывала, что такое горизонт. Но все, кроме бестолкового Мишки Семипалова, и так знали о горизонте, поэтому не слушали, отбегали, и Нина Григорьевна очень боялась, что кто-нибудь свалится вниз. Обрывищи-то о-го-го какие!

Сейчас обрывы показались еще выше. Может быть, потому, что река в конце лета обмелела и выглядела совсем не широкой, маленькой по сравнению с нависшими над ней громадами земли. Река отступила от крутизны, вдоль воды тянулась широкая песчаная полоса. На ней валялись оторванные от плотов бревна, какие-то ящики, автомобильные шины и всякий мусор. У другого, низкого берега сплошь стояли плоты, к ним прижимались разноцветные катера. На краешках плотов сидели мальчишки с удочками. А дальше был простор, простор под бледно-синим небом – до того самого далекого горизонта, о котором рассказывала студентка... Солнце светило в спину и не мешало смотреть. И Стасик все больше отдавался власти громадного, но ласкового пространства. И такими пустяками были теперь его недавние неприятности по сравнению с этой бесконечной землей и чистым небосводом – тоже бесконечным и спокойным. Стасик даже снисходительно пожалел одноклассников, которые сидят в душном от свежей масляной краски классе...

Потом он стал думать, куда пойти, и решил, что направо. Двинулся по краю берега.

Тропинка привела к серому забору. За ним стоял покосившийся, но красивый деревянный дом с круглой башней под куполом из чешуйчатого железа. Наверно, до революции построили его для какого-нибудь богача. На башне торчал штырь с железным флажком. Во флажке светились пробитые насквозь цифры: 1892. Стасик сообразил, что это год постройки.

...А еще это был год рождения Юлия Генриховича.

Соседки говорили маме: «С ума сошла, он же тебя на пятнадцать лет старше! А выглядит вообще будто Кощей!» Но мама не послушалась. И наверно, хорошо. Иначе кто бы завтра заступился за Стасика?.. Хотя мама тогда и сама могла бы. Ведь если бы ей не встретился Юлий Генрихович, не пришлось бы теперь собираться на «Калужку»... Соседки и про это вздыхали: «Ох и глупая ты, Галина, ох и отчаянная! Зачем тебе это на старости лет?» Дуры, честное слово! Разве мама старая? И она отвечала: «Катеньку хочу...» Потому что была у нее раньше дочка, а у Стасика сестра Катя. В сорок втором ушла на курсы сандружинниц, а оттуда на фронт. И через три месяца – похоронка. Стасик тогда как раз дизентерией болел, думали, что кончится. Мама потом говорила: «Из-за него и выжила, надо было спасать, на ноги ставить. А то бы, наверно, не перенесла...»

Катю Стасик хорошо помнит. А отца не помнит. Совсем еще крошечный был Стаська, когда отца призвали на финскую войну. Там и убили, даже с немцами не успел повоевать. Вот такая она, жизнь: то на одной войне гибнут люди, то на другой. То совсем без войны, отчим рассказывал...

Стасик мотнул головой. Грустные мысли годятся для пасмурных дней, а сейчас надо радоваться воле вольной...

Забор подходил к самому обрыву. Но все же между ним и кромкой берега оставалась травяная полоса – шириной в один шаг. А на ней ниточка-тропинка. И Стасик пошел, чиркая правым плечом по доскам, а левым ощущая жутковатую пустоту. Но глинистый обрыв сменился зеленым откосом, тропинка вильнула по нему вниз и запрыгала по всяким буграм, выступам, склонам и промоинам. Среди бурьяна, жесткого белоцвета и древовидных, выше Стасика, репейников. Сухие стебли и колючки злорадно цеплялись за шероховатый китель, дергали кирзовую полевую сумку на брезентовом ремне, чуть не оторвали от этого ремня сатиновый мешочек с чернильницей-непроливашкой. Ежики-репы щелкали по ушам и застревали в коротеньком Стаськином «полубоксе». Ну и пусть! Приключения так приключения. Вперед!

Но скоро он понял, что костюму от таких приключений несдобровать. Левая штанина внизу разорвалась по шву, одна пуговица с кителя потерялась. Стасик выбрался на солнечную проплешину откоса. Обобрал с себя колючие шарики. Из кителя сделал скатку – вроде шинельной, солдатской. Надел ее через плечо

крест-накрест с ремнем сумки. Получилось по-походному, по-военному. Штаны подогнул выше коленей, а чулки скатал пониже, так что под коленками получились отвороты, похожие на коричневые бублики. Перешнуровал потуже ботинки. И решил, что теперь он похож на разведчика-путешественника с картинки в книжке писателя Киплинга.

...Эту толстенную книгу без корочек он прочитал, когда лежал в больнице. Там ее все по очереди читали, она переходила «от поколения к поколению». В давние времена принесли ее кому-то с передачей, там она и осталась, потому что из «заразной» больницы возвращать ничего не разрешается.

В книге было много всего: и разные сказки, и приключения в джунглях, и рассказы про моряков. И длинный роман под названием «Ким». Про похождения беспризорного мальчишки и про его учителя-индуса, который всю жизнь искал священную реку. Стасик не все в этой истории понял, но было интересно. И больше всего запомнились мысли Кима. Как он пытался решить загадку: «Кто же я такой?» И его мысленный крик – будто сразу и вопрос, и жалоба, и ответ, и радость: «Я Ким, Ким, Ким!..»

На Стасика тоже иногда наваливались мысли: кто он и зачем? «Я Стасик, Стасик... Ну и что? А почему я именно Стасик? А что дальше?..» Про это он думал не раз, когда не спалось на больничной койке, а в небе – то бледные июльские звезды, то желтый ноготок полумесяца... И додумался тогда Стасик, что все-таки есть у человека бессмертная душа. Никакого там ада, рая и прочих чудес, про которые рассказывала соседская бабушка Алена, мама дяди Юры, конечно, быть не может, сказки это. А душа есть, потому что без нее было бы совсем глупо.

А случилось и так, что Стасик лежал на кровати и в то же время будто улетал к тем звездам, что в окне, и мчался среди них свободно и бездумно...

Но и мысли о бессмертной душе, которая когда-нибудь полетит в звездную бесконечность, не решали загадок. А зачем она, душа? А как это – вечность и бесконечность? Совсем-совсем без конца? Или где-то конец все-таки есть? А тогда – что за ним?..

Однако сейчас на лужайке речного откоса мысли эти лишь едва-едва мелькнули у Стасика. Просто книжка вспомнилась и Ким... Стасик поправил под ремешком

ковбойку, по-следопытски глянул вперед.

Шагов через двести тропинка привела к развалившейся лестнице. Наверно, когда-то лестница спускалась к лодочной переправе. Но теперь переправа была совсем в другом месте, а от лестничных пролетов остались лишь отдельные участки с прогнившими ступенями. Остальное, скорее всего, во время войны растащили на дрова. Стасик поглядел сперва вперед, потом вверх. Пробираться сквозь заросли, по правде говоря, уже надоело, под рубашкой полно мусора, а колени горят и чешутся. А кроме того, надо ведь посмотреть, что там наверху за улицы.

То по хлипким ступеням, то прямо по откосу выбрался Стасик на высокую кромку берега. Оглядел, как покоритель Казбека, реку и землю до горизонта, поправил амуницию и двинулся в незнакомые края.

Улица Ермаковская, улица Тобольская, переулок Водников... Никогда Стасик здесь не бывал. Он жил в привокзальном районе, всегда словно припорошенном угольной пылью. Дома там – кирпичные или деревянные – были все похожи друг на друга: двухэтажные, с квадратными окнами, без всяких украшений. Кое-где между ними стояли длинные бараки. И единственным красивым зданием был похожий на терем Клуб железнодорожников, да и то он стоял ближе к центру, в Андреевском саду.

А здесь – все по-другому. Деревья казались гуще и листья их чище. В канавах пестрели мелкие ромашки, а у заборов желтая россыпь лютиков, сурепки и поздних одуванчиков. Лопухи по-хозяйски росли сквозь щели деревянных тротуаров. И все дышало стариной. На кирпичном двухэтажном доме, на боковой стене, Стасик увидел совсем необыкновенное: большой корабль с надутыми парусами и длинными флагами! Видимо, барельеф этот был вылеплен из алебаstra или гипса. Старый, потрескавшийся, местами обвалившийся... Но все равно прекрасный корабль! Он летел над верхушками пожелтевших кленов и гроздьями рябин. Над ним виднелись на кирпичах полустершиеся черные буквы: «Бр. Гурины. Торговля рыбой». Стасик мысленно отмел эту буржуйскую надпись, а кораблем любовался долго.

И с этого момента он всюду стал замечать признаки особой, «корабельной» жизни. У ворот лежали перевернутые лодки. На заборе желтело фанерное объявление: «Пристани Турень требуются грузчики, вахтеры и разнорабочие» – и внизу значок – якорь в кружочке. Над кривым деревянным домом с башенкой –

флюгер-пароходик. Маленький сквер огорожен литой решеткой с узором из штурвалов и канатов... И название самой улицы – Пароходная!

И Стасику очень захотелось туда, где два года назад он видел пароходные огни и ощущал портовые запахи.

Но улица вдруг уперлась в теплую от солнца стену кирпичного склада. Пришлось обходить его по тропинке. А тропинка привела Стасика в кривой переулок.

Размышления в переулке Банный лог

1

Переулок извилисто убегал вниз, но не с ровным наклоном, а с горки на горку. Тротуары – не деревянные, а из каменных плит, которые лежали косо, редко, топорщились и соединялись кривыми тропками. Дома тоже стояли неровно: то вдоль, то поперек, то дерзко выставляли на дорогу покосившийся угол или крыльцо. Были здесь всякие дома: и большие – с резьбой, застекленными балкончиками и надстройками, и утонувшие в лопухах и бурьяне хибарки. А над путаницей склонившихся туда-сюда заборов – чаща рябин и вековые тополя.

Безлюдный этот, причудливый переулок поманил Стасика ласково и неудержимо. И Стасик пошел вниз по плитам с приятным и странным ощущением: будто он делал открытие и в то же время словно место это ему смутно знакомо.

Конечно, у такого переулочка и название должно быть подходящее. Скажем, Речной, потому что за домами чувствуется, просто-напросто дышит простор недалекой реки. Или Лодочный спуск: вон две лодки лежат у ворот, а еще одна торчит острым носом над забором. Или Рыбачий. Большая сеть сохнет на кольях в палисаднике перед желтой мазанкой (неужели в реке ловят сетями? Или привезли с озера?).

Наконец Стасик увидел на воротах ржавый круглый щиток с фонариком, номером и облупившимися буквами:

15

Банный Лог

Он остановился, замигал. От удивления и досады.

Название и правда необычное. Но и... как говорят, ни к селу ни к городу. Лог – это, как известно, овраг, он с ответвлениями тянется через Турень во многих местах. А здесь... Может, потому что переулочек постепенно опускается к реке и незаметно раздвигает толщи обрыва? Ладно. А почему «Банный»? Где-то здесь баня? Но известно, что в Турени всего четыре бани: Ишимская (за водокачкой), Заречная (у черта на куличках, Стасик там никогда и не был), Железнодорожная (привычная, уютная, куда он ходит с Юлием Генриховичем) и Стахановская (самая большая, в центре, на улице Стахановцев).

Чтобы прогнать досаду, Стасик решил, что когда-то и здесь была баня, но не простая. Наверно, с большой трубой, похожая на пароход. В ней мылись кочегары с пароходов, которые приплывали к пристани Турень от самого Ледовитого океана...

В банях, кстати, всегда есть что-то такое корабельное, морское. Шипенье кранов, шум воды, гулкие голоса; голые спины блестят в пару – совсем как в паровой кочегарке, когда барахлят старые котлы (Стасик видел это в кино «Морская дорога»). А Стахановская баня, та вообще напоминает океанское судно: похожие на иллюминаторы окна в несколько рядов, а над входом – кубический застекленный выступ, будто капитанский мостик.

Однажды шли втроем по улице Стахановцев, и Стасик сказал:

– Если бы не круглая, то совсем как корабль.

Дело в том, что трехэтажная кирпичная баня была как цирк без купола или большущий нефтяной бак.

Юлий Генрихович поддакнул и вдобавок объяснил, что были на свете и круглые корабли: два старинных броненосца, которые прозвали «поповками». Потому что их строил адмирал Попов.

– А может, и баню эту адмирал строил? – сказал Стасик. Просто так, для шутки.

Но Юлий Генрихович вздохнул и возразил, что баню строил известный архитектор, у него много интересных зданий в других городах, а одно даже в Москве...

– А вот за это сооружение беднягу посадили и чуть не шлепнули, – сказал он.

Мама нервно оглянулась, а Стасик сумрачно спросил:

– Почему? – Что такое «посадить» и «шлепнуть», он знал.

Юлий Генрихович объяснил, что баня построена кольцом (снаружи этого не видно) и архитектора обвинили, что сделал он это с вредительским умыслом. Если, мол, враги народа, диверсанты и троцкисты, взорвут внутри такого кольца бомбу, она в замкнутом пространстве ахнет с повышенной разрушительной силой, погубит здание и массу советских людей...

– Откуда ты это знаешь? – опасливо и с досадой сказала мама.

– Потому что я с ним вместе сидел в пересылке...

Мама опять посмотрела вокруг: нет ли поблизости прохожих? Того, что все это слышит Стасик, она не боялась, привыкла доверять ему. В те годы, когда они жили вдвоем, с кем ей было еще разговаривать откровенно? Вот и беседовали обо всем на свете, и мама приучила сына с посторонними о лишнем не болтать, а о таких делах вообще молчать намертво.

Юлий Генрихович ему тоже стал доверять, когда понял, что Стасик Скицын человек надежный. Пускай не очень храбрый (а иногда и слабоватый на слезы),

но если уж скажет – можно верить. И если обещал держать язык за зубами – не сболтнет ни приятелям, ни соседу и даже себе вслух не скажет.

2

Юлий Генрихович появился в жизни Стасика странно и тревожно. Много позже Стасик узнал, что в начале сорок пятого года в библиотеку Клуба железнодорожников, где мама тогда работала, пришел мужчина. Остался с мамой наедине, сказал, кто он и откуда, и предупредил, что через несколько дней к ней попросится на жительство квартирант. Ему подскажут этот адрес. «Так надо. Вам понятно?»

Мама пролепетала, что понятно. Комната у них со Стасиком была разгорожена фанерной стенкой. Проходную часть мама и раньше иногда сдавала приезжим людям: то эвакуированному профессору, то офицеру пехотного училища, то медсестре из госпиталя. Так что само по себе дело было не новое. Но мужчина объяснил, что время от времени будет встречаться с мамой. И она будет рассказывать ему, как живет и о чем говорит квартирант, какие у него знакомые и от кого он получает письма. Тут мама попробовала сказать, что она не знает, как это, и она не умеет, и вообще... А мужчина улыбнулся: «Вы ведь советский человек, верно? Вдова командира. И сын у вас растет, будущий пионер. Вы ведь любите вашего сына?»

Мама очень любила сына, будущего пионера...

Скоро появился жилец. В старом, ломком от мороза кожаном пальто, в облысевшей ондатровой ушанке, с фанерным чемоданом. Высокий, лицо впалое, а одна щека так втянута внутрь, что совсем получилась яма. На толстой переносице – красноватый рубец. Глаза у незнакомца были бледные, и смотрел он, как дворовая собака Чапа, когда ее пускают в дом погреться.

Говорил он тихо и вежливо. Рассказал, что работал на севере, в поселке у Обской губы, а сейчас перевели сюда. Жить стал незаметно. Утром уходил в контору мебельной фабрики, где служил плановиком. Приходил поздно, ложился на железную кровать и читал под лампочкой всегда одну и ту же толстую книгу «Война и мир». Иногда приносил маме консервы из своего пайка. Мама

отказывалась, но он оставлял банки на столе. Мама звала его пить чай. Он пил, говорил мало, впалина темнела на его щеке. Стасика он научил делать из бумаги надувных чертиков. Сказал: «Мы таких еще в гимназии мастерили»...

В начале марта с квартирантом случилась беда. Он шел с последнего сеанса из кино «Комсомолец», и на Земляном мосту его сбил грузовик. Не остановился. Ударом бросило Юлия Генриховича в лог, он лежал там без сознания до утра, потом прохожие заметили, подобрали, отправили в больницу. Там Юлий Генрихович пробыл до середины апреля – с сотрясением мозга, переломом руки и воспалением легких. Мама стала ходить в больницу. Сперва не часто, а потом почти каждый вечер. Стасика оставляла с соседкой тетей Женей. Когда возвращалась, объясняла насупленно и как-то виновато:

– Он ухода требует. Слабый совсем, сам ничего не может. А у него ведь никого здесь нет... кроме нас.

В Москве у Юлия Генриховича был брат, но приехать он не мог, прислал только письмо и перевод.

Вернулся Юлий Генрихович еще более худой, зеленовато-бледный, но странно повеселевший. Чаще заходил пить чай. Стасику сделал трехмачтовый кораблик, чтобы пускать в лужах.

Неизвестно, приходил ли еще к маме мужчина «оттуда». Если и было такое, то про разговоры с квартирантом все равно мама ему не рассказывала. Иначе и она, и Юлий Генрихович попали бы туда, «куда Макар телят не гонял».

Оказалось, что на севере Юлий Генрихович не просто работал, а сидел в лагере. За что? «Милый мой, кабы хоть кто-то знал там, за что...» Первый раз его забрали в тридцать седьмом. Он жил тогда в Москве вместе с сестрой, потому что жена умерла, а детей не было. У сестры иногда собиралась компания знакомых музыкантов. Говорили о спектаклях, о концертах и книгах... Фамилия у Юлия Генриховича была «странная-иностранная» – Тон. И однажды он, подвыпив, заметил в разговоре, что такую же фамилию носил архитектор, построивший в Москве храм Христа Спасителя. «Вот из этого окна он был виден...»

«Гордитесь, значит, знаменитым однофамильцем?» – небрежно улыбнувшись, заметил один знакомый. При странном молчании остальных. А Юлий Генрихович возьми да и брякни:

«Чего ж теперь-то гордиться? Кабы храм стоял по-прежнему, а то ведь пустое место...»

Все вежливо поговорили еще минут десять и быстренько разошлись.

Сестра была старше («и умнее!» – говорил Юлий Генрихович). Она требовала, чтобы брат уехал немедленно – куда глаза глядят. А он только рукой махнул и спать завалился. Пришли за ним утром, отвезли в тесную одиночку.

«Ох, Стасик, не дай тебе Бог услышать, как за спиной задвигается тюремный засов...» – сказал однажды Юлий Генрихович в горьком подпитии...

Следователь говорил арестованному, что тот вел антисоветскую пропаганду, при всех сожалел о рассаднике поповского мракобесия, который взорвали, чтобы на месте его построить Дворец Советов. И что планы этого строительства он, подследственный Тон, называл пустым местом и заявлял также, что не желает видеть в своем окне фигуру Вождя, которая должна увенчать Дворец. А поскольку до таких контрреволюционных мыслей одному дойти невозможно, то подследственный должен искренне признаться, в какой белогвардейской организации состоит.

Юлий Генрихович держался. Начитавшись в юности Джека Лондона, он потом немало побродил по земле, был охотником и спортсменом, ходил с караванами в Туркестане, рыбачил на Каспии, работал на Шпицбергене. В общем, был «жилистый и принципиальный», и следователи с ним «возились без успеха». А потом очень повезло. Сестра каким-то чудом выхлопотала разрешение на передачу, отнесла брату чистое белье, а от него получила сверток с грязным. «Головотяпы надзиратели в спешке недосмотрели, – криво усмехнулся Юлий Генрихович. – Работы у них было невпроворот...» На рубашке сестра обнаружила кровавые пятна и прямо с этим бельем, сквозь все заслоны, пробилась к какому-то крупному начальству и подняла там большой крик. «Отчаянная была женщина, бесстрашная...»

Как ни странно, а такой безумный шаг помог. Может, потому, что в этот момент наступило временное послабление в борьбе с «врагами и заговорщиками». Юлия Генриховича выпустили. И второй раз взяли только в сороковом году.

«Жили мы с сестрой на даче, идем как-то из леса, и смотрю я – сидят у калитки двое. Сразу видно кто... Честное слово, хотел бежать, чтобы стреляли вслед и сразу конец... Ноги не послушались...»

На этот раз почему-то отвезли в подмосковный городок и допрашивали там. «Видимо, в столице уже места не хватало». Приговорили к высшей мере, и с месяц Юлий Генрихович сидел в просторной чистой одиночке, каждый день ожидая команды «на выход». И опять странно вильнула судьба: отправили не в «подвал», а в сибирский лагерь... А в январе сорок пятого его выпустили. Сказали, что может ехать куда хочет, но в Москву пропуска не дали. Да и что было делать в Москве? Сестра умерла, с братом у них было «не очень...». Вот и застрял он в Турени – все-таки не совсем глушь, областной центр.

Отпустить отпустили, но, видно, верили не совсем, раз держали под наблюдением... Впрочем, после Девятого мая про Юлиа Генриховича «там», кажется, вовсе забыли. То ли в общей радости, то ли просто поняли наконец, что никакой он не шпион и не враг. В те счастливые дни все люди ходили будто пьяные от счастья и, наверно, стали больше верить друг другу (так, по крайней мере, казалось Стасику). Юлий Генрихович съездил наконец в Москву – на могилу сестры и за имуществом. Привез куженьку, тульскую двустволку в потертом чехле, еще один фанерный чемодан и – маме московские духи, а Стасику плоскую старинную книгу с золотом на корке и множеством картинок: «Ночь перед Рождеством». Слова в книжке были с ятями и твердыми знаками, но буквы крупные, и Стасик разобрался быстро. Уже в ту пору он был заправский читатель.

Все чаще мама с Юлием Генриховичем ходила в кино и цирк. Обедали теперь все вместе. И наконец случилось то, к чему и шло: Юлий Генрихович переселился в их комнатку, а Стасика перевели в проходную. Ну что же, Стасик не возражал. Но все-таки друзьями они с отчимом не сделались.

Что ни говори, а Юлий Генрихович был странный человек. Например, мог целый день расхаживать по комнате в кальсонах и грязных носках, но когда в таком виде садился за стол, требовал чистое полотенце или платок, чтобы заткнуть за ворот – салфетка. При этом пробор на его голове был как по линейке и редкие

пегие волосы прилизаны специальной щеточкой.

Он морщился, когда Стасик или мама говорили «патефон», «мушкетёры», «берет». Оказывается, следовало произносить: «патэфон», «мушкетэры», «берэт», потому что эти слова из французского языка.

– Как это звучит у Пушкина! «Кто там в малиновом берэте с послем испанским говорит...»

Стасик пожимал плечами. «Евгения Онегина» он еще не читал, а если бы сказал в классе: «Ребя, в кинушке трофейные «Три мушкетэра» идут», какая после этого была бы у него жизнь?

Патэфон патэфоном, а когда отчим ссорился с мамой, он такие русские слова кричал, что хоть голову под подушку прячь. Потому что прежней тихой вежливости у Юлия Генриховича не осталось. Иногда он был просто псих. Ни с того ни с сего взовьется, завизжит, на маму начинает замахиваться. Стасик тогда орал «не смейте», а мама потом плакала.

«На кой черт поженились?» – думал в такие дни Стасик.

Но бывало, что подолгу отчим ходил добродушный, чуть насмешливый и ласковый. Охотно болтал со Стасиком о его ребячьих делах и порой вспоминал про свои гимназические проказы и вообще про детство. Оказывается, в те годы у него с братом была даже своя парусная лодка. Потому что жило семейство Тонов совсем не бедно: отец – потомок шотландского капитана, служившего Екатерине Второй, – был управляющим на заводе французской газовой компании. Лето семья проводила в собственном доме на Истре, и жизнь там была самая веселая.

Но отчим любил вспоминать не только о веселых вещах. Иногда он с каким-то странным удовольствием рассказывал, как наступил босой ногой на граммофонную иголку и знакомый хирург долго копался у него в разрезанной пятке и наконец вытянул коварную иглу сильным магнитом. Или как отец впервые в жизни его аккуратно и по всем правилам высек. За то, что обнаружил в ранце у сына-третьеклассника толстую книжку «Декамерон».

– А что это за книжка? – неловко хмыкая, спрашивал Стасик.

– Рано тебе еще знать, – поспешно говорила мама.

– Совершенно верно. У нас дома так же считали. И когда папаша увидел книгу, послал кухарку Фросю к дворнику Степану: у того всегда был запас прутьев, он из них метлы вязал. А мне велел идти в детскую и приготовиться...

– Можно же было убежать, – хмуро говорил Стасик.

– Куда?.. И к тому же не так мы были воспитаны, – объяснял Юлий Генрихович с каким-то странным самодовольством. – Ослушаться отца – такое и в голову не приходило. Ну и... прописал он мне творчество эпохи Возрождения. Верещал я так, что брат Шурка в соседней комнате напустил в штаны... Никогда в жизни мне потом так жутко не было, даже в следственной камере, когда раздевали и привязывали к чугунной печке...

– Не надо, Юлик, – говорила мама.

– А зачем... к печке-то? – против воли спрашивал Стасик.

– Зачем? Работали люди. Один дровишки подбрасывает, а другой показания записывает... Видишь ли, когда просто бьют, молчишь или орешь и ругаешься... А когда раскаленный металл...

Стасик вспоминал коричневые рубцы на теле отчима, которые видел в бане...

Конечно, про жизнь Юлия Генриховича Стасик узнал не сразу, а постепенно, в течение двух лет. Из разных, порой насмешливых, а порой тяжелых рассказов, случайных фраз, нечаянно подслушанных разговоров. Узнал и то, что раскаленного чугуна отчим не выдержал, признался: да, был завербован, да, передавал вражеским агентам сведения про советских граждан из юридической конторы, где работал последний год (все-таки два курса юридического факультета успел закончить до революции). А фамилии агентов такие: Белкин, Дефорж, Гринев, Швабрин, Ларин...

Стасик, знавший уже «Капитанскую дочку» и «Дубровского», фыркнул.

– Да, смешно, – покивал Юлий Генрихович. – Но эти старательные парни записали всерьез...

Однако обращение к пушкинским героям все же помогло. Через несколько лет какой-то «энкавэдэшной» комиссии, видимо, надо было обвинить в чем-нибудь своих излишне бестолковых следователей или просто поиграть в справедливость. И осужденному Ю.Г. Тону опять несказанно повезло, одному из многих тысяч: наткнулись на его дело. И председатель комиссии снисходительно сказал: «Но ведь за товарищем Тоном не было бы никакой вины, если бы он так легкомысленно не оговорил себя...»

После этого «товарищ Тон» и оказался в Турени...

Жизнь шла по-всякому. То вполне сносно, то с обидами и скандалами (и тогда соседки жалели маму). Но весной сорок седьмого года, когда отчим узнал, что у них с мамой «кто-то будет», он стал спокойнее, даже опять иногда ласковый делался. К лету выхлопотал для Стасика у себя на работе путевку в пионерский лагерь...

Все это Стасику вспомнилось, пока он топал по плитам Банного лога. Вниз, вниз. Переулок еще раз вильнул и привел к деревянной лесенке. Легко застукали по ступенькам твердые подошвы. Ну совсем как шарик на лестнице в лагере...

«Ты кто?»

1

Лагерь принадлежал профсоюзу работников деревообрабатывающей промышленности, поэтому называли его просто и даже непочтительно – «Опилки» (хотя по правилам полагалось: «Имени двадцатилетия Советских профсоюзов»). Ну что поделаешь: ни лагеря, ни люди себе прозвищ не выбирают. Вот и к Стасику в «Опилках» в первый же день прилипла новая

кличка.

Когда все собрались на большой поляне и вожатые стали выкликать ребят по своим отрядам, оказалось, что Стасика в списке нет. Он, конечно, расстроился. Что же теперь, домой? Толстая, похожая на повариху вожатая Дуся поглядела на печального белобрысого октябренька и вспомнила:

- В дополнительном списке вроде бы Стасик есть. Но не Скицын, а с какой-то иностранной фамилией. Не то Мортон, не то Вильсон...

- Наверно, Тон! - Стасик подпрыгнул от радости, и все рассмеялись. - Это потому, что Юлий Генрихович путевку достал!

Все, конечно, разъяснилось. И Стасик думал, что про этот случай тут же забыли. Но на линейке ему сказали:

- Эй, ты, Вильсон! Куда лезешь, по росту вставай...

Так и пошло - Вильсон да Вильсон. Стасик вздохнул и смирился. В свои девять лет он уже знал: есть вещи, с которыми не поспоришь.

На другой день был сбор их младшего третьего отряда, и Дуся всех спрашивала, кто кем хочет быть. Некоторые стеснялись и ничего не говорили, а кое-кто отвечал храбро, хотя после каждого ответа все почему-то смеялись. Когда пришел черед Стасика, он засмутился, но молчать не стал. Сказал тихо:

- Матросом...

Опять, конечно, все ха-ха-ха. А Дуся спросила:

- Почему именно матросом? Может, уж лучше капитаном?

Пришлось объяснить ей, непонятливой:

- Как же сразу капитаном? Сперва все равно надо матросом.

Рядом крутился Бледный Чича, парень из второго отряда, лет двенадцати. Тускло-белый, как пыльная макарона, с бледными глазками. Он высунулся из-за голов и сказал клоунским голосом:

– Храбрый матрос Вильсон с дырявого корыта.

И все опять захохотали.

Что этому Чиче надо было от Стасика? Привязался с первого дня: то даст щелчок, то в столовой табуретку из-под Стасика выдернет. И хихикает, хлопает белесыми ресницами...

Мальчики из третьего и второго отрядов спали в одной палате, и утром Чича сказал:

– Эй, Вильсон, давай-ка заправь мне койку как следует. У нас такой закон: младшие старших завсегда уважают.

Стасик и свою-то еще не знал, как заправлять. Зато знал другое (вернее, чувствовал): если кому поддашься, потом хуже будет, сядут на шею. Он ответил негромко, но твердо:

– Не нанимался.

– Ух ты, крыса корабельная. Ребя, слышали? Первый раз приехал, а уже... Ну, щас я тебе...

Но тут пришла Дуся:

– Что за кавардак? Ну-ка быстро чтобы порядок был!

Чича ухмыльнулся и посмотрел на Стасика «ласково».

Стасик собирался в лагерь с радостью. Потому что хоть и каникулы, а все равно скучно. Во-первых, с утра до обеда торчишь в очереди в хлебном

«распределителе». Потом надо еще несколько раз топтать на водокачку с бидоном: маме тяжести таскать нельзя, отчим в конторе, а обед без воды не сварить... А выйдешь погулять на улицу – что там делать? Ну, побегаешь в догонялки, поиграешь в пряталки с соседскими Юркой Карасевым, Лидкой Занудой и Владиком Кислицким да с несколькими дошколятами. Или пойдешь в Андреевский сад, там пацаны из окрестных кварталов разбиваются на две команды и устраивают игру в сыщиков-разбойников или мяч гоняют на лужайке. Но еще ведь не каждый раз возьмут в команду, если у тебя ни большого роста, ни большого умения... И главное – каждый день одно и то же.

А лагерь – это все новое, все в первый раз!

Мама тоже радовалась за Стасика, а насчет воды и очереди за хлебом договорилась с тетей Женей, соседкой. В общем, все так хорошо складывалось. И вдруг – этот Чича!

В тот вечер, после первого сбора, Чича с дружками устроил такую подлость! В матрасе у Стасика сделали ямку и положили под простыню пузырь с водой, из тонкой резины. Такие продаются в аптеках и называются неприличным словом; большие мальчишки иногда их покупают, гогочут и надувают, будто воздушные шарики.

Стасик после отбоя помыл ноги в деревянной колоде за домом, пришел в палату и поскорее бухнулся в постель, чтобы не видеть Бледного Чичу и его приятелей. И конечно, тут же вскочил! А они хохочут, прыгают, верещат: «Матрос Вильсон в Сиксотное море поплыл! Забыл, где сортир!..»

Стасик не сдержался, заплакал.

Вошла Дуся, без слов разобралась, что к чему, Стаськину мокрую простыню сняла с матраса, огрела ею по спине Чичу. Постель принесли другую. Чича ненатурально ныл:

– А я-то чё? Сперва докажите!

К начальнику Чичу, конечно, не повели. Если каждого за всякие проделки водить к начальнику лагеря, очередь получится больше, чем в хлебный магазин... А днем на заборе появилась надпись: «Вильсон – сиксот».

Они, дураки, думали, что «сиксот» – это который напускает в постель. А на самом деле такое ругательство пишется через «е» – «сексот». Значит – «секретный сотрудник». Тот, кто в лагере доносит на своих начальству. Не в пионерском лагере, конечно. Стасик знал про такое от Юлия Генриховича.

Стасик никогда не жаловался, хотя порой от Бледного Чичи, от его дружков Тольки Дубина, Генки Мячика и длинного придурка по кличке Хрын житья не было. Бить почти не били, а доводили. Исподтишка. Чича был в лагере старожил, ему поддакивали, шуткам его весело смеялись. Ну а Скицын – кто он такой? Тихая амеба, глаза на мокром месте...

Стасик приспособился жить, как безопаснее. Днем – в гуще своего отряда, поближе к вожатым. На глаза им не лез, но и далеко не отходил. Или наоборот, возьмет в лагерной библиотеке книжку и спрячется подальше в кусты, где никто не видит... А потом нашел он совсем замечательное убежище.

Лагерь находился на краю деревни Кошкино, в двух длинных дощатых домах. А еще он занимал на лето деревенскую школу – маленькую, вроде той, в которой учился Стасик. На нижнем этаже там обитал первый отряд, а на верхнем была пионерская комната и жили вожатые. Там же на широкой площадке у лестницы стоял стол для пинг-понга. Большие ребята из первого отряда младших в «наш дом» пускали неохотно. А уж к пинг-понгу вообще сунуться не давали. И только на Стасика не обращали внимания. Сидит в углу смирный сверчок с книжкой, не мешая. Иногда за мячиком сбегает, если тот ускакал далеко.

Игра здесь шла часами, и Стасик тоже сидел подолгу. То в книжку заглянет, то смотрит, как прыгает через сетку туда-сюда веселый белый шарик. Чтобы самому поиграть, Стасик не мечтал. Но приятно было иногда просто подержать в руках твердый целлулоидный шарик. Такой гладкий, легонький и даже будто живой. Словно из него вот-вот пушистый цыпленок проклюнется.

А Чича один раз сунулся, так сразу по ступенькам застучал – от пенделя, который дал ему командир Костя Каширов.

...Но однажды Чича довел Стасика так, что никаких сил не стало. Подучил он Хрына, когда Стасик дежурил в столовой, натянуть в дверях бечевку. Вот Вильсон и грохнулся со стопкой алюминиевых мисок. Шум, лязг, локти и колени в синяках. А тут ему кто-то еще остатки компота вылил за майку. Дежурная

вожатая наорала на Хрына, а Чича опять ни при чем. Ухмыляется, белыми ресницами хлопает... У Стасика даже злости не осталось, только появилась такая тоска, что хоть пешком домой топай за полсотни километров... И впервые он до горьких слез, отчаянно затосковал по дому. По маме и даже по Юлию Генриховичу. И по своей улице, и по Андреевскому саду с пыльной травой, жесткой желтой акацией и футбольным гвалтом. Там, бывает, и стукнут сгоряча, но специально никто не издевается.

После отбоя Стасик тихо-тихо плакал в подушку. На следующий день свет ему не светился, хотя слез уже не было. А после ужина, в «свободный час» перед сном, Стасик опять сидел в уголке недалеко от стола с пинг-понгом.

В два широких окна светило вечернее солнце, и шарик – живой, прыгучий – казался золотистым. Но теперь ничто не радовало Стасика. На коленях он держал «Сказки» Андерсена, однако в книжку не смотрел. Он мечтал о другой сказке: произнести бы волшебное заклинание и оказаться дома...

Шарик вдруг отлетел в сторону и запрыгал вниз по ступенькам. Стасик – следом. Это у него само собой всегда получалось – стрелой за шариком, если тот ускакал. Хоть ты грустишь, хоть читаешь, хоть задумался – все равно!

Шарик с последней ступеньки прыгнул к стене, отскочил и закатился под лестницу. Стасик полез, конечно, следом. Под лестницей – какие-то корзины, ящики и мешки. И темно...

– Эй, Вильсон! Чего застрял?! – кричали сверху.

– Сейчас... Он куда-то... завалился... – отвечал Стасик, но негромко и сипло, потому что здесь, в пыли и сумраке, на него стала наваливаться новая тоска. Отчаянная печаль одиночества. Он машинально шарил в темноте, а слезы теперь без удержки бежали на голые руки.

Костя Каширов громко сказал наверху:

– Да ну его, он там копается. Давайте запасной... – И опять часто застучало по столу.

Стасик же все ползал по пыли, царапаясь о корзины, а душа его изнемогала от горечи. Не нужен был ему этот проклятый лагерь. Не нужны ни сытные обеды с компотом, ни прогулки в настоящий лес, которого он раньше никогда не видел, ни купанье в пруду, где он почти научился плавать... Ничего не надо! Не может он один!

Стасик нащупал наконец шарик, но из-под лестницы не вылез, а съежился здесь между ящиком и корзиной, прислонился к скользкой бутылки. Взял шарик в ладони – легонький, гладкий, теплый. Опять подумалось: будто живой. И оттого, что не было рядом никого-никого, только этот вот шарик, Стасик погладил его и сказал, как пригревшемуся котенку:

– Маленький ты... хороший...

И снова поднялась в нем такая печаль, что, казалось, весь мир заполнила. Понеслась до неба – до луны, до звезд, до солнца, которое тускнело, как закопченная керосиновая лампа. И даже странно, что нигде ничего не откликнулось, не застонало в ответ... А шарик затеплел в ладони еще сильнее и будто шевельнулся. И спросил неслышным, но отчетливым голоском:

– Ты кто?

2

– Ты кто?

Стасик почти не удивился. Слишком плохо ему было, не до удивления. Но все же он растерялся немного. Сказал шепотом:

– Я... Стасик...

– Стасик – это кто? – Нет, не голос это был, а будто чья-то чужая мысль проникала в Стасика, щекотала в голове. – Стасик – это шарик?

- Сам ты шарик, - уже не сказал, а скорее подумал Стасик. Не обидно, а ласково, как неразумному малышу.

- Конечно, - отозвался тот. - Я шарик. А ты?

- Я... мальчик. Разве не видишь?

- Что значит - «не видишь»?

Ох, да у него же и глаз-то нет. И темнота здесь... И вообще - что же такое делается? Правда, что ли, шарик живой? Или в мозгах у Стасика что-то расклеилось? «Ну и пусть, - сумрачно подумал он. - Хуже не будет, потому что некуда хуже-то... А может, это я просто сам с собой разговариваю?..»

- Что значит - «не видишь»? Не ощущаешь импульс?

- А что такое импульс?

- Ты послал импульс. Очень плохой, с отрицательным потенциалом. И был резонанс, но без радости...

- Чего? - прошептал Стасик.

- Я подумал, что ты можешь погаснуть.

- Могу... - Стасик всхлипнул.

- Не надо. У нас резонанс. Тебе плохо - и мне плохо. Но с двух точек мы можем изменить частоту и трансформировать спектр. Или, в крайнем случае, нейтрализовать негативный фон...

- Не понимаю тебя, - вздохнул Стасик. - Ты будто с Луны свалился.

- Луна - это что?

- Ну что... планета... То есть шар такой, вокруг Земли летает... А Земля вокруг Солнца... Да я просто так сказал!

- Подожди. Я прошупаю твои локальные импульсы... Понял! Земля - голубой шарик. Луна - серый шарик. Оба - неконтактного типа... Нет, я не с Луны. Я вообще с другой грани Кристалла. Было трудно пробить межпространственный вакуум...

- Ты можешь по-человечески разговаривать? - жалобно спросил Стасик.

- Что такое «по-человечески»?

- Ну... от слова «человек». Не знаешь, что ли?

- Мальчик - это человек?

- Да... Только который еще не взрослый.

- Не достигший Возрастания? Тогда понятно... - Стасик ощутил в шарике вполне мальчишечий живой вздох. - Ясно, почему у нас резонанс... Тебе очень плохо?

- Еще бы...

- Ты выбит из привычной системы координат и лишен возможности принимать позитивные импульсы. Я правильно сделал вывод?

- Не знаю... Чича все время привязывается, гад такой...

- Подожди... Гад - это существо, обитающее во влажных областях голубого шара.

- Да здесь он обитает, в лагере! Каждый день лезут, житья нет... Он да еще несколько... Хрын этот, полудурок...

- Тоже гады?

- Еще бы!

-«Лезут» - это что? Действуют негативными импульсами?

Стасик опять вздохнул, вытер о голое плечо мокрую щеку.

- А ты не можешь воздействовать ответно?

- Ага, попробуй! Если один...

Шарик опять будто шевельнулся в ладони.

- Один и один - это не один. Ты и я... Можно рассчитать систему нейтрализации вредного воздействия гадов. Если они активно нарушают гармонию локальной структуры, можно расщепить их до уровня первичного вещества.

- Как это?

- Развеять в самую мелкую пыль!

- Ты разве можешь? - чуть усмехнулся Стасик.

Шарик ощутимо затяжелел.

- Еще не знаю, пока мой контакт на информационном уровне. Но можно попробовать.

Тогда Стасик испугался:

- Не надо... в пыль-то. Вот если бы напирать их...

-«Напирать» - это комплекс нейтрализующих мер ограниченного воздействия?

- Ага... - на всякий случай сказал Стасик. И подумал: «Это я сам с собой? Или правда - с ним?»

Шарик опять стал легким, но зато пульсировал в ладони, словно сердечко билось. Или это колотилась жилка под кожей? Чудо такое... «Один и один – не один. Ты и я...»

Шарик отозвался неслышно:

– Ты и я... Тебе лучше? Черное излучение прекратилось.

Стасик благодарно взял шарик в обе ладони. Как птенца... Далеко и хрипло затрубил горнист Володька Жухин. Отбой...

– Шарик, ты потом еще со мной поговоришь?

– Да.

Стасик сунул его под майку.

В палате он так и залез под одеяло – в пыльной майке. Укрылся с головой, перепрятал шарик под подушку. И там опять обнял его пальцами.

– Ты меня слышишь?

– Да. Воспринимаю.

– Шарик... Ты кто? Ты по правде... такой?

– Я... такой.

– Ты откуда появился?

– Я не появлялся. Я там. И я здесь. Сразу... Стасик! Я пока сам не могу понять.

– Что понять?

– Много. Про тебя и про себя.

- Про меня... я могу объяснить.

- Лучше я сам прощупаю твоё информативное поле. А ты - мое.

- Я не умею...

- Тогда отключайся. У тебя циклический потенциал на исходе. Накопишь энергию - снова будет контакт...

Стасик хотел спросить о чём-то ещё, но поплыл, поплыл в ласковой синей тьме среди неярких огоньков. Огоньки эти вдруг превратились в маленькие желтые окна. Словно засветился в сумраке уютный вечерний город... А потом всю ночь Стасику снились хорошие сны, но он их не запомнил...

Утром Стасик проснулся с ясным и радостным осознанием, что у него есть чудо, сказка, друг. Сунул руку под подушку.

- Шарик...

- Стасик...

И в этот миг Стасика накрыл тугой удар. Чужой подушкой.

- Вильсон! Чё возишься, опять поплыл в Сиксотное море? А ну, вставай! Матросы на зарядку не опаздывают, они герои!

И снова - трах подушкой! Так, что он слетел с кровати, а шарик запрыгал по половицам.

Стасик метнулся за шариком. Но тот был прыгучий, легкий, его пнули, поддали, он заскакал от койки к койке.

- Ура! Мишка, пасуй мне! Хрын, сюда, дурак!..

- Не надо! Отдайте! Ну, пожалуйста! Это мой!

– Не ври, Матрос!.. Ребя, это он вчера в первом отряде стырил! Они ругались: Вильсон пошел искать и не принес!..

– У, жулик! Прибрал – и под подушку!

– Ребята! Ну отдайте, он мой! Я его нашел!..

– А ты поймай! Попрыгай!

– Воришка зайка серенький за мячиком скакал!..

Как им доказать? Как их убедить – гогочущих, орущих, ненавистных? Чем хуже Матросу Вильсону, тем лучше им – веселящейся, вопящей толпе... Вертлявый Степка Мальчиков скачет по койке, как бешеный клоун, поднял над головой шарик:

– Эй, Матрос – накурился папирос! Поймай!

Стасик бросился к нему. А наперерез – глупый Хрын. Стасик пнул его так удачно, что он согнулся и засипел. А Степка кинул шарик другим!

– Отдайте!

– Что тут такое? А ну, смир-р-рна!

– Валерий Николаич, это Вильсон! То есть Скицын! Мячик у первоотрядников украл, а сейчас психует!

Валерий Николаевич – курчавый, цыганистый студент Валера, вожатый первого отряда – старался быть очень строгим. Иначе с этой «кучей опилок» не совладать.

– Кто украл? Ты, Скицын?

– Они врут! Я нашел!.. Он теперь мой, потому что... – «Господи, ну как объяснить? Как упротить?» – Не надо отбирать! Я за него все на свете отдам...

Только пусть он будет мой!

Валера сунул шарик в карман. При общем нехорошем молчании. Стасик ухватился за его рукав:

- Валерий Николаич, отдайте! Я...

- А ну, отцепись! Смирно!

Стасик сказал с бессильным отчаянием:

- Какие вы все... прямо как фашисты.

Вожатый - бац его по щеке!

- Сопляк! Ты их видел, фашистов?!

- Видел... вы...

Снова - бац!

- Сволочи... - шепотом сказал Стасик. Было уже все равно.

- Во дает Вильсон, - заухмылялся Хрын.

Валерий Николаевич аж зашипел:

- В щелятник паршивца! Ш-шкура...

«Щелятник» - это кладовка за столовой. Туда сажали тех, кто натворил что-нибудь ужасное: например, курил и колхозный сарай с сеном поджег, как двое из первого отряда...

- Посиди, пока начальник не приедет! А там разберемся... Не идет? Тащите!

Ох, как бился, как извивался Стасик. Никогда с ним такого раньше не было. Криком и слезами хлестали из него горе, тоска и ярость. Мама, мамочка, ну что же это со мной делают!

Его втолкнули в изрезанную яркими щелями темноту, в запах гнилых рогож и сырых опилок. Сзади за дверью тяжело брякнула железная щеколда.

«Ох, Стасик, не дай тебе Бог услышать, как за спиной задвигается тюремный засов». И вот случилось. Услышал. Железный лязг разом отрубил все – как топором. Тихо стало, слезы кончились. Солнечные щели резали глаза. И не только глаза, а всего Стасика. Будто бритвами. Он зажмурился, закружилась голова. Стасик быстро лег на какие-то тряпки. От них воняло. Стасика затошнило, он перекатился на занозистые половицы. Лег ничком, уткнулся лицом в ладони. Он понимал, что дальше в жизни его ждет только плохое.

Шарик потерян навсегда.

За то, что обозвал Валерия, прощения не будет.

Лишь бы с мамой ничего не сделали. Могут ведь сказать: «Это вы научили сына обзывать советских вожатых фашистами?»

А с ним самим что сделают? Мальчишки про начальника лагеря говорят: «Малость контуженный». Он, когда злится, начинает дергать веком и заикаться. А потом давит из себя шипящий шепот: выносит приговор...

Если исключат и домой отправят, это не наказание, а счастье. Но счастья, конечно, не дожждаться. Будет, наверно, самое жуткое – «стенка».

Есть такое специальное место на краю территории, за умывальниками, – разрушенный кирпичный сарай (раньше там колхозный локомотив стоял). У его стены начальник выстраивает шеренгой самых злостных нарушителей режима. И стоят они там по стойке «смирно» иногда час, иногда два, а иногда и половину дня. И если бы просто так и ставили, а то ведь без всего, даже без трусов. А другие, даже девчонки, ходят смотреть. Мальчишки боятся и жалеют, а девчонки хихикают. А те, приговоренные, шелохнуться не смеют – хоть солнцепек, хоть комары. Потому что тех, кто не стоит смирно, начальник, если узнает, ведет «на беседу» в свою комнату. Через весь лагерь...

Дома Стасик не знал никаких унижительных наказаний. Отчим, хотя и рассказывал не раз, как его драли, сам никогда Стасика так воспитывать не пытался. Случалось, что заорет и даст пинка или тычка между лопаток. Но это даже не наказание, а просто ссора. Стасик в таких случаях отлетал в сторону и кричал в ответ что-нибудь такое: «Не имеете права, не отец! Подумаешь, размахался!» От мамы тоже изредка попадало – если у нее лопнет терпение, когда Стасик долго не идет за хлебом или «приклеился к книжке, а на уроки ему наплевать». Мама скручивала жгутом фартук и в сердцах – трах ненаглядное чадо по рубахе. Ну и что? Во-первых, фартук тут же раскручивался, во-вторых, Стасик хохотал и удирал...

К «стенке» Стасик, разумеется, не пойдет. Будет биться до смерти (оказывается, есть минуты, когда ее и не боишься, смерти-то)... Но только вот сил уже нет, чтобы отбиваться от врагов... Стасик заплакал и перевернулся на спину.

Щели погасли – солнце, наверное, в тучу ушло. И темнота теперь была глухая, тесная – давила, словно Стасика землей засыпали. Это был глухой сумрак неволи. И с той минуты Стасик всегда будет бояться тесных и темных помещений... Он собрал остатки сил, поднялся, чтобы грянуться телом о дверь. Но только слабо стукнулся плечом о доски и лег тут же у порога... Не выбрался Матрос Вильсон из черного трюма...

Что было дальше, Стасик знал с чужих слов.

Начальник должен был вернуться к обеду. И раньше его на американском вездеходе «додж» приехала в лагерь по каким-то делам важная женщина из профсоюза. Она была знакомая Юлия Генриховича, и тот уговорил взять его с собой, отпросился на работе. Мама приготовила для Стасика письмо и гостинцы. В лагере отчим спросил, где Стасик Скицын. Вожатые заюлили и хотели освободить его тайком. Но профсоюзная женщина почуяла неладное, и они с Юлием Генриховичем пошли за вожатыми. В дверях кладовки женщина отпихнула вожатых и схватила Стасика на руки.

– Да вы что, изверги! Мальчик весь горит!..

В «додже» Стасика сильно тошнило. И окутывал его липкий желто-зеленый туман, в котором трудно было дышать. Туман забивал горло и легкие несколько суток, и в нем, будто написанное размытой сажей, висело слово «дифтерит».

Больница была маленькая, двухэтажная. Две палаты для мальчиков, две для девочек. Десять дней Стасик лежал в палате «для тяжелых». Давил жар, давило удушьё – темное, как запертая кладовка. Черное пространство, заключавшее в себя Стасика, иногда вытягивалось вместе с ним в длинную кишку, сворачивалось петлями, завязывалось в узлы. Натягивались жилы, выворачивало душу тошнотворным отчаянием...

Потом все это кончилось, он стал поправляться и сделался жильцом палаты «для выздоравливающих». Но впереди было еще больше месяца больнично-карантинного режима.

Ребята в палате оказались разные – и малыши, и два совсем больших семиклассника. Но все неплохие, спокойные, никто никого не обижал (был только вредный Эдька Скорчинов, но его скоро выписали). Девчонки из палаты напротив – тоже ничего. Иногда собирались вместе, рассказывали сказки и всякие истории. И вообще, говорили про всякое. В том числе и про бессмертие души – после того, как в «тяжелой» палате умер шестилетний мальчик и его осторожно вынесли под простыней на носилках...

А еще была книга. Про мальчика – Кима.

«Я Ким, Ким, Ким!..»

«Я – Стасик...»

«Я – Шарик...»

Теперь-то Стасик понимал, что Шарик – это был просто бред в начале болезни. И все же он вспоминал о нем с горьковатой нежностью.

В больнице тоже были шарики – бильярдные. Настольный бильярд стоял в коридоре второго этажа и скрашивал жизнь ребятам кто постарше. И Стасику иногда выпадало поиграть. Шары были совсем не похожи на пинг-понговый

мячик – стальные, блестящие, тяжелые. И все-таки однажды один вдруг затеплел и знакомо толкнулся в ладони у Стасика. Тот испугался, быстро положил его на зеленое сукно. А потом пожалел об этом и подолгу держал шарики – то один, то другой. Но они были холодные...

Выписали Стасика к августу. В первые дни он просто растворялся в тихом счастье оттого, что наконец дома. А потом стало скучнее. Шли затяжные дожди, маме нездоровилось, она часто сердилась. Не на Стасика, а так, вообще. А он, отстоявши в хлебной очереди и натаскавши бидоном воды, читал десятый раз «Ночь перед Рождеством» или рисовал, а по вечерам вспоминал больничную палату, из которой недавно мечтал вырваться. Там – ребята, разговоры. Уютно там вместе. А в коридоре шарики – щелк, щелк... И Стасик начал мастерить свой бильярд. Возился до самых школьных дней. А там этот капсюль подвернулся. Трах – опять беда!

...А может, и не беда? Может, напротив, маленькая награда за несчастливое лето? Тихий солнечный день с беззаботностью и свободой...

Берег

Баннй лог лишь вначале казался переулком. А потом стало ясно, что это улица: не спеша она прыгает по буграм вниз, виляет и не кончается. Каменные плиты, лесенки и заборы – в пятнах от солнца и тополей. Семена плывут в тихом воздухе... Чудо что за улица! Даже все плохое, что вспомнилось, забывается здесь почти сразу. И опять – спокойствие, чуточку ленивые и хорошие мысли...

И люди здесь хорошие. Вон бабка на лавочке посмотрела по-доброму, а могла ведь проворчать: «Уроки учить надо, а не прыгать тут...» Двое мальчишек с удочками попались навстречу, глянули спокойно и тоже ничего не сказали. А могли ведь придраться: «Чего тут шляешься не по своей улице?»

Но Баннй лог закончился, разветвился на две улочки. Стасик свернул на правую, и она привела к палисаднику... К простому шаткому палисаднику, за которым Стасик увидел, что искал!

Блестел синеватыми стеклами дощатый зеленый дом с белыми карнизами – длинный, с башенкой, на которой прожектор и мачта с тросами и фонариками, как на корабле. За домом виднелась корма высокой баржи, а к барже приткнулся грязно-белый пароходик с красными кругами на сетчатых перилах. На кругах надпись: «Хрустальный». Был он вовсе не хрустальный, а обшарпанный. Но все равно совершенно настоящий пароход. Он деловито посапывал. А по сторонам от пристанского дома – все то, что создает живописность портовой жизни. Серый склад с громадной надписью: «Не курить!», штабеля ящиков и бочек с рыбным запахом, мотки толстого троса, вытасенный на берег катер и даже метровый якорь-кошка, с четырьмя ржавыми лапами, – он валялся в лебеде, как самая обыкновенная вещь.

Стасик пролез между расшатанными рейками палисадника. Оглянулся: не погонят ли? Но гнать было некому – безлюдье. Он потрогал сухой теплый якорь и наполнился удивительным чувством: этакой причастностью к дальним плаваниям и приключениям. Правда, не было горластых чаек и шума прибоя, по ящикам и в траве скакали сухопутные пыльные воробьи, а недалеко от якоря паслась коза. Но даже эта домашняя умиротворенность была Стасику по душе. Так и должны выглядеть маленькие пристани. Будто в книжке про Тома Сойера и Гека Финна. В такой сонной тишине как раз и могут случиться всякие удивительные события.

Но пока ничего не случилось. Только пароходик гукнул гудком и бойко зашлепал колесами вниз по течению. Стасик помахал ему, потом посмотрел туда-сюда. Между ним и пристанью тянулся двойной рельсовый путь. Стасик встал на рельс, повернулся так, чтобы солнце светило в спину, и, балансируя, зашагал по рельсу. Туда, где виднелись кирпичные старинные склады, какие-то вышки, будки на столбах и круглый бак водокачки.

Слева блестела река, стояли у берега плавучие причалы. Справа подымались, как горная цепь, заросшие откосы. Они будто нарочно отодвинулись, чтобы на низкой части берега нашлось место для пристанских построек и рельсовых путей.

На ближней к воде колее стоял товарный состав. Стасик пошел вдоль щелястых коричневых вагонов, от которых пахло теплым железом и смазкой. Он, хотя и жил недалеко от вокзала, впервые в жизни видел так близко тяжелые колеса с могучими пружинами рессор и черной накипью на чугунных выступах...

Из-под вагона выбрался лысоватый старый дядька в замасленной куртке. Глянул на Стасика без удивления.

- Гуляешь?

- Ага, - кивнул Стасик. - Я смотрю. Я тут раньше не бывал. - Он сразу понял, что дядька не заругает, не прогонит, лицо у него доброе.

- Чего ж ты с сумкой, а не в школе?

- А прогнали, - безбоязненно сказал Стасик.

- Ну вот... Один раз прогонят, другой, так и начнешь болтаться...

- Да не-е... Это случайно!

- А газетки у тебя случайно нет? На самокрутку.

- Газетка имеется! - Стасик сел на корточки, расстегнул сумку и содрал с нового задачника обертку. Протянул дядьке клоч с заголовком «Туренская правда» и обрывком названия статьи - «Сталин - наше зна...».

Дядька вытащил пачку махорки, свернул «козью ножку».

- Ну, гуляй! Да к колесам-то не суйся, а то скоро дергать будут. Иди вон туда, подале...

Стасик протопал еще шагов двести и увидел справа, на фоне репейно-бурьяновых зарослей, коричневый домик. Маленький, будто игрушка, с медным колоколом у крыльца, с черными буквами на пыльно-белой эмалевой вывеске:

Ст. Рпка

Стасик подивился этой старине, сохранившейся от царского времени. И почудилось, что он не в родной Турени, а в каком-то полусказочном городке. Заколдованная солнечная тишь, таинственный безлюдный вокзальчик.

Понятно, что отсюда не ездили пассажиры, это перевалочная станция, грузы тут идут с воды на рельсы и обратно. А сейчас, во время мелководья, станцию используют просто как тупик для товарного порожняка. Но почему-то придумывается, что вот-вот выйдет на крыльцо похожий на Карабаса Барабаса начальник станции, зазвонит в колокол, из-за мыса покажется поезд с блестящим, как самовар, паровозом и нарядными вагончиками, выскочат пестрые пассажиры, расставят зеленые столы и начнут играть в пинг-понг. А на перроне затрубит и заушает барабаном праздничный оркестр – как в кинофильме «Золотой ключик»...

От маленькой платформы вела вверх деревянная извилистая лестница. Чтобы осмотреть все здешние места разом – и станцию, и пристань, и похожие на кирпичную крепость склады, Стасик решил забраться повыше. Во-он туда, где в стороне от лестницы есть удобный травянистый уступ.

Стасик поднялся. Сперва по ступеням, потом просто по склону. И вдруг понял, что сильно устал. И главное, отчаянно захотелось есть! Ну что же, все как в походе.

Стасик расположился на лужайке размером со стол для пинг-понга. Этот горизонтальный выступ берега среди чертополоховых джунглей словно кто-то нарочно сделал, чтобы сидеть и поглядывать с высоты. Стасик и поглядывал. И жевал «полдник» – два ломтика хлеба с маргарином, – мама перед школой положила ему этот припас в сумку... Эх, мама, мама, знала бы ты, где сейчас твой сын...

Но печальная эта мысль скользнула, не оставив горечи. Потому что хорошо было Стасику на спокойной солнечной высоте с искрами паутинок. Пространство уже наполнялось желтоватым предвечерним светом. Солнце теперь висело невысоко от башен старинного монастыря, что поднимался над обрывом далеко за фермами деревянного кружевного моста.

Стасик слизнул с ладоней крошки, вытер пальцы о штаны и кинул вниз скомканную газету – обертку от бутерброда. Белый комок попрыгал по склону и

застрял в чертополохе. Он Стасику напомнил белый шарик. Лагерь напомнил. А значит – и ненавистного Бледного Чичу с дружками... Ну зачем вспоминать о них? Лучше бы их никогда на свете не было!

Шарик сказал тогда: «Развеять в самую мелкую пыль!» Это, выходит, на атомы?

Все, что есть на свете, состоит из атомов. Стасику это разъяснила соседка-восьмиклассница Люська Полтавская два года назад, когда американцы взорвали над Японией атомную бомбу. Ребята на улице тогда спорили, что такое «атомная» и почему она так здорово трахнула. Ну вот, Люська (она добрая и спокойная) подошла и рассказала про атомы: что они совсем крошечные, невидимые, меньше микробов, а сила в них громадная.

– Значит, я тоже из атомов состою? – осторожно спросил Стасик.

– А как же.

Дело было под вечер. Стасик тихонько пришел домой, приткнулся в уголке. Мама заволновалась:

– Ты что присмирел?

– А мы не взорвемся? Раз мы все из атомов...

– Боже ж ты мой, что это делается, – расстроилась мама.

А Юлий Генрихович объяснил, что атомы сами по себе не взрываются. Атомной бомбе нужны «соответствующие условия». Очень сложные и секретные. Лишь при них она сработает.

– Тогда хорошо, – успокоился Стасик.

– Чего хорошего, – сказала мама. – Сбросили не на армию, а на город, где мирные люди. Дети и матери. Они-то при чем?

– Да я не про то, что сбросили, – насупился Стасик. – Я про то, что хорошо, что не взорвемся...

Скоро японцы все сдались в плен, и Юлий Генрихович говорил, что атомная бомба тут ни при чем. «Эта страна была обречена ходом истории». Стасик был согласен: наша Красная Армия вполне могла победить самураев и без помощи американцев. Уж если Германию расколотили, то какую-то крошечную Японию... Но так или иначе, а была полная победа, и теперь каждый год третье сентября – праздник, нерабочий день... Ой!.. Да как же он забыл? Это же завтра! Совсем вылетело из головы из-за истории с капсулем!.. Значит, завтра не надо идти в школу! А послезавтра эта история, скорее всего, забудется. Нина Григорьевна – она вовсе даже не злопамятная! Стасик на радостях дрыгнул ногами, завалился на бок и... не удержался на выступе, покатился кубарем.

Нет, плохого не случилось. Кувыркнулся несколько раз, уцепился за бурьянные стебли, сел. Головой помотал: ф-фу ты, приключение какое... Помигал и увидел перед собой отвесную глинистую проплешину.

Глина была хорошая, светло-серая. Стасик поцарапал ее пальцем. Берег был обращен к северу, солнце его не сушило, и глина даже сверху оказалась влажная. А когда Стасик раскопал поглубже – совсем замечательная, размачивать не надо.

Жаль, что нет с собой весов, а то прямо здесь можно было бы заняться шариками... Ладно, бильярд – это потом, а пока он слепит что-нибудь на память о сегодняшнем путешествии.

С глиняным комком Стасик забрался на прежнее место. Глина сперва крошилась под пальцами, потом стала плотной и податливой. Стасик слепил брусок, похлопал им о коленку (чтобы атомы спрессовались получше). На сером тесте отпечатались кривая, похожая на морского конька коросточка давней ссадины. Рядом с «коньком» Стасик задумчиво вдавил палец. Потом сорвал с травы похожий на гусиную лапку листок и тоже оттиснул. Все прожилки отпечатались!.. Стасику вспомнилась книжка про древние времена. Там была картинка с куском каменного угля – на нем отпечаток листа с дерева. С того, которое росло сто миллионов лет назад!

Значит, если бросить сейчас этот глиняный кусок, через миллионы лет он кому-нибудь попадет в руки – твердый, окаменевший. И этот кто-то увидит листик травы, которая росла... вот сейчас, при Стасике (а тогда это «сейчас» будет

давняя древность, страшно подумать). И след от содранной и подсохшей коленки. И оттиск пальца. Юлий Генрихович рассказал, что узор на пальце у каждого человека свой, двух одинаковых не бывает...

И останется след от Стасика на веки вечные...

Мысли о вечности – вроде тех, что появлялись в больнице, – опять пришли к Стасику. Не страшные, чуточку печальные и серьезные. А мысль забросить своей рукой в эту вечность камушек была чуточку дерзкой, жутковатой, но заманчивой. Камушек со следом от него, от Стасика...

Но по оттиску никто не догадается, что это палец именно Стасика – мальчишки, который жил сто миллионов лет назад...

Стасик заволновался, заторопился, словно догадка о том, что надо сделать, могла ускользнуть. Достал пенал, ручку, раздернул шнурок на мешочке с непроливашкой. Из тетрадки вырвал листок с косыми линейками. Положил его на перевернутую сумку и, стесняясь, хотя никто не мог подглядеть, вывел чернилами:

Стасик Скицын. 9 лет. 2 сентября 1947 г.

Подумал и вдруг дописал – словно тревожно крикнул всему мировому пространству:

Я – Стасик!

Он оторвал бумажную ленточку от листа, скрутил в тугую трубочку, сложил ее пополам, вдавил в глину и скатал шарик. Ровный, гладкий шарик размером с небольшую картофелину. Снова отпечатал палец. Потом украсил шарик оттисками листьев и колосков травы, что росла под руками.

Красиво получилось. Кто найдет – обрадуется. Но чтобы все это сохранилось навеки, шарик должен сделаться как камень.

В широких карманах Стасик отыскал увеличительное стекло. В зарослях насобирав сухих стеблей. Солнце было уже невысокое, нежаркое, но все-таки помогло мальчишке: от горячей белой точки задымился и вспыхнул свернутый из промокашки жгут. И почти сразу разгорелся бледный бездымный костерчик.

Стасик не знал, как обжигают кирпичи и глиняную посуду. И решил: чем ближе к огню, тем лучше. Поэтому закатил шарик в самую середину костра. А с боков и сверху все подкладывал, подкладывал трескучие прошлогодние стебли. Они вспыхивали, обдавали сухим жаром лицо, покусывали искрами руки. Горячий воздух шевелил короткую челку и ресницы. И так было долго – может, полчаса, а может, час. Стасик не торопился. Сорнякового сухостоя вокруг хватало, собирать его было легко, а сидеть у огня интересно – как на привале среди гор и зарослей.

Наконец костерчик прогорел. Стасик палкой разгреб угольки и выкатил шарик на траву – как печеную картошку.

Шарик и был как обугленная картошка! Стасик-то думал, что увидит его коричнево-красным, будто кирпич или звонкая кринка. А он оказался черный, с прилипшей угольной крошкой и золой. Дымился... Слово ядро, выстреленное из пушки!

Или – как маленькая планета, сплошь сожженная пожарами. Будто на ней взорвались атомные бомбы...

Стасик смотрел на шарик со страхом и жалостью. Так, будто в самом деле по его вине сгорела маленькая планета... Потом он закатил шарик в лопуховый лист, начал оттирать, чистить.

Сажа отчистилась, но красным шарик не стал. Местами остался черным, а местами – темно-серым. Стасик взял его в ладони – горячий, закаменевший. Обжигаясь, начал оттирать прямо пальцами. Запекшаяся глина местами заблестела, как отшлифованный чугун. И на ней опять проступили травянистый узор и отпечаток пальца. Ну вот, это уже лучше. И рисунок есть, и каменная твердость. Но не по сердцу Стасику был этот каменноугольный траурный цвет.

Он достал из кармана кусочек мела и стал натирать им шарик. Белая пыль сыпалась на штаны, пачкала пальцы, а на глине держалась плохо. Стасик вздохнул и опять обтер шарик ладонями. И... вдруг понял, что получилось хорошо! Шарик был теперь серый, с мягким отливом, как мамин беличий воротник. А в отпечатки набилась меловая пудра, и тонкие линии узора отчетливо белели на выпуклой поверхности. Ну, просто... как это называется? Ювелирное изделие!

– Вот какой ты славный получился... – Стасик побаюкал шарик, как живого. Тот был уже не горячий, а ласково-теплый.

Стасик лег спиной в траву. Затылок – на мягкой скатке из кителя, ботинки повисли над пустотой, за краем площадки. Солнце светило в левую щеку, а в высоте бледно голубело чистое небо с редкими искорками летучих семян. Шарик лежал на груди, Стасик придерживал его пальцами.

Глядя в небо, он думал: где лучше зарыть шарик, чтобы через сто миллионов лет его обязательно нашли? Наверное, все равно где. Теперь ведь не предугадаешь, что будет через такое бесконечное время. Можно закопать прямо здесь, на берегу. Но не хочется так сразу расставаться с шариком...

Интересно, кто его найдет?

А может, тогда уже и людей не будет?

Ну нет, люди будут! Иначе зачем стараться!..

Возможно, такой же мальчик, как Стасик, и откопает шарик. Повертит, раскокает, как яйцо. Прочитает: «Я – Стасик!»

...А где будет сам Стасик? Если и правда есть бессмертная душа, может, она превратится в воробья, чтобы мог подлететь и посмотреть на мальчика, который нашел записку? Или... а вдруг она превратится в самого этого мальчишку?

Или она уже никогда ни в кого не превратится, а будет лететь в бесконечности? Но зачем? Куда?

Если бы узнать все тайны! Если бы сквозь эту голубизну рвануться в мировое пространство и посмотреть: что там? как там? есть ли конец? Рвануться, как взгляд, как луч...

Почти остывший шарик вдруг затеплел опять.

- Ты - Стасик?

«Ты - Стасик?» - это неслышно щекотнуло грудь, отозвалось в голове. Как шевеление воздуха, как шепот, как мысль. Сердце словно пропало, растворилось в пустоте. И вдруг взорвалось, затарахтело. Стасик хватанул губами воздух, стремительно сел. Шарик скатился с груди в колени. Стасик схватил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/belyy-sharik-matrosa-vil-sona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)